

ЖИЗНЬ БЕЗ ВЫХОДНЫХ

К 50-летию заслуженной артистки РСФСР М. П. Барашковой

Сегодня, наконец, выходной день. Нет ни репетиций, ни спектакля вечером. Нет, кажется, никаких срочных дел.

Неужели целый день можно ничего не делать?

Вдруг открывается дверь, и входит дядя Ганя. Он худощав и молодцеват. На нем неизменный овчинный полушубок, а к кожаной груди он прижимает огромный кошачий капуты. Слегка улыбаясь, поигрывая глазами, он выжидает, пока его появление произведет ожидаемый эффект.

И Мария Павловна, конечно, не может обмануть этих ожиданий.

— Ох, Ганя! — всплескивает она руками. — Да зачем же ты тяжесть такую нес! Да мне просто неудобно!

Дядя Ганя доволен. Он прохаживает в гостиную как есть, прямо в полушубке, имея в виду показать хозяйке, что не намерен как пежизый человек, отнимать ее время.

Потом он сообщает всякие мелкие новости из жизни того дома, где живет, — там когда-то в соседях у него жила и Мария Павловна Барашкова. Тут же разговор переходит на последний спектакль краевого театра драмы — дядя Ганя не пропускает ни одного спектакля, где она играет. С достоинством покрывав ее за последнюю роль, он уходит.

Развеселившись, Мария Павловна мысленно смотрит ему вслед. Не прост дядя Ганя, ох, не прост! Такой, с виду, незаметный в своем полушубке, а ни на кого не похож. Впрочем, похожими люди кажутся, вероятно, только равнодушному. Или очень молодому.

Потому, наверное, и с каждой новой ролью ее с годами

не легче, а труднее. Как передать такую неяркую, тончайшую «особинку» дяди Ганя, например? Как выразить глубину драмы, пережитой, скажем, Валечкой А., ее подопечной по депутатской линии?

Когда Валечка однажды позвонила у дверей, а потом начала прерывисто рассказывать свою историю, Мария Павловна поняла, что она пришла неизвестно зачем. Да и истории-то никакой не было у молоденькой девушки, и все ее горе было налицо: еще открывая двери, Мария Павловна подивилась внутренне, какого маленького роста ее гостя. Крохотная, миниатюрная, как фарфоровая куколка. Даже мило... А девушка, упав на диван, разрыдалась и сказала, что ей из-за этого не хочется жить.

Учится в педагогическом; но придется, наверное, бросить — какое у важнее не может быть у детей?.. Пыталась найти что-то другое — не удалось: тоже из-за роста. Жизнь бессмысленна.

Чем лечить больную душу?.. Есть, есть сильное средство. Искусство. Сама испытала на себе его силу, когда — на Камчатке было дело — прямо из медицинской лаборатории сбегала на сцену.

Сколько с тех пор она сыграла женщин, умных и духовно богатых, которые металась в тенетах капиталистического мира, мучимые неразрешимостью социальных конфликтов... Пусть увидит и эта девушка, чего стоит ее горе рядом с такой трагедией, из которой действительно нет выхода.

Она повела ее в театр. Валечка заплакала над драмой

чистого и прекрасного, но слабого духом, мятежного или — доброго и открытого человека, если бы она во множестве не видела их рядом с собой.

Ее Глафира, прислуга в доме Бульчовых и любовница хозяина, провожаемая косыми взглядами домохозяев, ходила по сцене спокойным шагом человека, поднявшегося над презренной мещанской «моралью». Не было никакого греха в ее мужественной и горестной любви к Егору, на которую пала тень его близкой смерти. Сердцем, телом, душой готова была защитить Егора от смерти, звала бросить все, уехать в Сибирь — от этой всеобщей лжи, растлевающей душу... Сильная, высокая духом русская женщина — такой была ее Глафира.

Сейчас это уже прошло-проехало. Все у Валечки прекрасно. Время от времени звонит: «Я просто так. Соскучилась...» Правда, какой-то след остался у Марии Павловны в душе, что-то отложилось от этой истории, пошло в какую-то внутреннюю копилку, где уже сложено все, что удалось ей перевидеть и перечувствовать за несколько десятков лет жизни и без которой что бы она делала на сцене... Как, в самом деле, сыграть

ее, она играла ее с такой силой внутренней убежденности, которая черпается только из собственного, личного опыта. Она ощущала эту силу.

Были в ее творческой биографии и другие — «другие» были и в жизни. Она считала, что надо уметь распознавать зло, надо его казнить и подвигать осмеянию.

Вот Фанни Линнинг, старшая клиническая сестра из пьесы Кронина «Юпитер смеется». Мария Павловна прилизывала ей волосы, выражая то, что хотела бы выказать людям сама Фанни: свою пуританскую скромность. Фанни Линнинг и у дверей подслушивала с чопорной сдержанностью истой англичанки, но в какой-то момент на ее лице вспыхивал алчный, почти животный интерес, и тогда она начинала остро напоминать кого-то очень знакомого, виденного, встреченного... Это была не глупая женщина — в ней чувствовалась натренированность человека, умеющего брать мертвой хваткой. Актриса не приуменьшала опасности: да, сплетники и интриганы не только губят репутацию, они способны убить человеческую жизнь. Погибала от взрыва молодая сотрудница лаборатории, в жизнь умного и талантливого доктора Вернера входила глубокая трагедия... — Фанни Линнинг побеждала! Она побеждала! — Мария Павловна хотелось, чтобы каждый, кто сидит в зале, почувствовал, как это недопустимо.

...А уже, оказывается, смерается... Короток зимний день. Ее день отдыха. Да и бестолковое это дело — отдыхать. Вроде еще больше устаешь.

Надо обязательно успеть сегодня пройти по своему избирательному участку.

Л. НИКОЛАЕВА.